

В. ЯГИЧ — ИНТЕРПРЕТАТОР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Среди громадного научно-литературного наследия Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича затерялась небольшого формата книжка «*Ruska knjževnost u osamnaestom stoljeću*» (Zagreb, 1895). Изданная «Матицей хорватской», эта книжка при самом своем появлении почти не обратила на себя внимания критики ни в Хорватии, ни в Сербии, ни в России. Напомнить о ней в сборнике, посвященном памяти Павла Наумовича Беркова, кажется нам тем более уместным, что, как можно полагать, интересующий нас труд хорватского ученого должен был бы найти себе место и получить справедливую оценку в задуманном и начатом Павлом Наумовичем «Введении в изучение русской литературы XVIII в.», из трех томов которого, к сожалению, увидел свет один только первый.

О возникновении замысла книги Ягича и о конкретном воплощении этого замысла в жизнь мы располагаем сведениями, извлеченными главным образом из частично подготовленной к печати, частично остающейся «в сыром» (т. е. неразобранном и некомментированном) виде переписки В. Ягича с русскими учеными за 1894—1895 гг.¹ В письмах Ягича этого времени часты жалобы на предельную загруженность повседневной работой, на то, что его «занятия разбросаны». В письме к проф. К. Я. Гроту (19 января 1894 г.), откуда взята предыдущая фраза, читаем далее следующее: «Часть (большая) времени уходит на занятия в университете, все прочее время посвящено то журналу „*Archiv für slavische Philologie*“, то академиям, членом которых состою, больше всего, конечно, здешней (т. е. Венской, — И. А., И. А.), которая мне под рукою».²

¹ Авторами настоящего сообщения, совместно с канд. историч. наук Т. И. Лысенко, осуществлена подготовка к печати тома «Писем И. В. Ягича к русским ученым. 1886—1894», продолжающего аналогичное издание, охватывающее 1865—1886 гг. (М.—Л., 1963). Судьбою этого издания живо интересовался П. Н. Берков.

² Архив Академии наук СССР, ф. 281, оп. 2, № 577, л. 9.

После этих жалоб на занятость несколько неожиданно звучит упоминание в письме к А. Н. Пыпину 2 марта 1894 г. о том, что Ягич приступил к составлению распространенного очерка истории русской литературы XVIII в.: «У нас конец зимнего полугодия <...> Я хочу воспользоваться промежутком между первым и вторым семестрами, чтобы опять приготовить несколько лекций о русской литературе 18 и 19 столетий. Раз я уже прочел — но только 18 столетие — с некоторым успехом. На этот раз хотелось бы сделать шаг вперед и включить хоть бы первую половину 19 столетия». Как жаль, что Ваши рассуждения еще не дошли до этого периода, я читаю их в „Вестнике Евр<опы>“ с большим интересом». Дальше идут жалобы на отсутствие некоторых необходимых пособий («У меня кое-чего нет из новейших изданий»), называются первые выпуски «Русской поэзии» С. А. Венгерова, «Очерки литературного движения в первую половину 19 века» А. Шахова, отдельные выпуски павленковской библиотеки «Жизнь замечательных людей», посвященные протопопу Аввакуму, А. Кантемиру, Г. Р. Державину, Ф. Волкову.³

Житейские и служебные обстоятельства, однако, не позволили Ягичу тотчас же, как он предполагал было, приступить к осуществлению своего замысла: это произошло лишь в последние месяцы года. 1/13 октября 1894 г. он сообщил А. Н. Пыпину: «В данное время я переделываю мои публичные лекции по истории русской литературы 18-го столетия для литературного общества „Matica Hrvatska“ в Загребе. Выйдет маленькая книжечка около 12 листов. Для Вас, конечно, в ней ничего нового нет, но для южнославянской публики она могла бы быть интересна».⁴

Можно предполагать, что к этому времени Ягичем было написано около половины книги. 6/18 октября 1894 г. он сообщил о своем новом замысле Л. Н. Майкову, одновременно прося прислать ему «посмертный труд» Н. С. Тихонравова, вышедший под редакцией Майкова.⁵ Месяц спустя он, по-видимому, вплотную

³ Государственный архив Костромской области, ф. 653, оп. I, № 3 (по копии, присланной в Архив Академии наук СССР). На недостаток русских книг в Вене и трудности их добывания Ягич не уставал жаловаться русским своим корреспондентам. Ср., например, в письме И. В. Помяловскому 20 апреля (2 мая) 1894 г.: «Я здесь по части русских книг в конце столетия в таком же беспомощном положении, в каком находились мои предшественники, Копитар, Шафарик и т. д., в первые десятилетия, значит, 60—80 лет тому назад» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописное отделение, Архив И. В. Помяловского).

⁴ Государственный архив Костромской области, ф. 653, оп. I, № 3, л. 49—50 об.

⁵ Имеется в виду книга «Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина. Посмертный труд Н. С. Тихонравова» (СПб., 1894); книга вышла под редакцией Л. Н. Майкова. О ней Ягич просил Майкова 6/18 октября 1894 г., ссылаясь на информацию С. Н. Северьянова (ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 166, № 1338). Уже 26 октября 1894 г. Ягич

подошел в своем изложении к Фонвизину, так как обращался к тому же Майкову за разъяснением своих возникших было недоумений, которые и были успешно разрешены.⁶

Наконец, в письмах середины и конца декабря 1894 г. к нескольким корреспондентам о книге говорится как об уже выполненной работе.

Так, Т. Д. Флоринскому Ягич писал (14/26 декабря 1894 г.): «Представьте себе, при моих прочих занятиях, пришло мне в голову взяться не за свое дело. Я два раза читал в Вене лекции по русской литературе 18-го столетия (до 19-го, собственно, еще не доходил, но она имеется в виду), и вот мои загребские знакомые уговорили меня переделать эти лекции для „Матицы хорватской“. Я сдался и последние три месяца истратил на составление книжечки, не претендующей, конечно, в русской литературе на новизну или оригинальность, но для хорватов и сербов она, надеюсь, окажется не совсем бесполезной. Изучив по этому случаю несколько подробнее 18-ое столетие, я убедился в большой пропедевтической важности его для последовавшей потом самостоятельной деятельности 19-го столетия».⁷

благодарил Майкова за присланную книгу. «Ваша любезность, — продолжал он, — дает мне смелость обратиться к Вам с новой просьбой. Мне сдается, что недавно вышло какое-то сочинение из русской литературы, где Нарезный обсуждается» (там же). Книга Н. А. Белозерской «В. Г. Нарезный. Историко-литературный очерк» (СПб., 1896) в то время еще не появлялась, и Ягич пользовался журнальным ее вариантом.

⁶ Так, в недатированном (венский почтовый штемпель: 27 ноября 1894 г.) письме к Л. Н. Майкову Ягич просил разъяснений относительно хронологии «Недоросля». «На стр. XXXV издания сочинений Фонвизина, — писал он, — говорится, что „Недоросль“ поставлен на сцену 1772 года. На стр. 227, где воспроизведен заглавный лист первого издания (1783 г.), сказано, что „Недоросль“ представлен в первый раз в 1782 году. Так говорят и все обыкновенные историки русской литературы. Кто прав? Судя по обстоятельствам жизни поэта, надо бы дать предпочтение 1772 году. Так ли?» (ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 166, № 1388). Л. Н. Майков поспешил дать следующее разъяснение: «Вы верно указываете на противоречие в известиях о времени представления „Недоросля“. Но 1772 г. означен в цитате из „Драматического словаря“, старинной книги (1788 г.), очень небрежно напечатанной. Первое издание „Недоросля“ дает 1783 г., и я полагаю это более вероятным, потому что издание комедии сделано самим Фонвизиним. Так принято думать всеми. Печатающая цитату из „Драматического словаря“, я не сделал оговорки, потому что Н. С. Тихонравов имел обычай приводить цитаты даже с сохранением явных ошибок подлинников. В биографии Фонвизина он говорит неясно о времени постановки „Недоросля“. Быть может, он и не видел первого издания пьесы в то время, когда писал биографию» (Nacionalna i sveučilišna biblioteka [Национальная и университетская библиотека]. Загреб. Отдел редкостей, № R 4610). Незвизная на эти справки и суждения, Ягич отнес появление «Недоросля» к 1772 г.: Jagić V. Ruska književnost u osamnaestom stoljeću. Zagreb, 1895, p. 135.

⁷ Государственная публичная библиотека Академии наук УССР. Отдел рукописей, III, № 21654.

15 декабря 1894 г. В. Ягич датировал два письма с упоминаниями о только что законченном труде своем, одно — А. В. Михайлову, преподавателю Варшавского университета и в начале 90-х годов кратковременному участнику ягичевского венского Семинария,⁸ другое — сотоварищу по Академии наук К. Н. Бестужеву-Рюмину.⁹

По неведомым причинам печатанье книги Ягича сильно затянулось и было закончено, по одним данным, в июле, по другим — примерно в середине октября 1895 г. 27 октября 1895 г. он послал экземпляр Л. Н. Майкову «на память» и одновременно просил его «другой поднести августейшему президенту» Академии наук, т. е. великому князю Константину Романову: «Пусть найдется в его библиотеке одна (вероятно, пока единственная) книжечка на хорватском языке».¹⁰

Несколько позже, на самом рубеже нового 1896 г., были присланы экземпляры А. Н. Пыщину и М. М. Стасюлевичу, редактору-издателю «Вестника Европы». Посылая их, В. Ягич писал: «Моя книжка <...> была напечатана уже в июле месяце, но теперь только рассылают ее из Загреба <...> Вы, конечно, не будете, — продолжал он, — в ней искать ничего больше, как простой рассказ любителя, предназначенный для широкой публики. Если бы у Вас было время заглянуть в книжечку, Вы нашли бы, может быть, что мы в главных взглядах очень сходимся. Я нахожу только, что Вы гораздо снисходительнее, гуманнее, галантней отнеслись к императрице Екатерине II, чем я. Для Стасюлевича (так упорно на протяжении десятилетий Ягич писал фамилию М. М. Стасюлевича, — И. А., И. А.) указываю на стр. 228, где я отдаю справедливость Вашему „Вестнику Европы“, значение которого, я думаю, я понимаю лучше всех прочих „братьев“».¹¹

Приведенные цитаты в сущности исчерпывают весь собранный нами документальный материал о книжке Ягича. Несмотря на скудость фактических сведений, они позволяют сделать по крайней мере следующие выводы:

1. Ягич настойчиво подчеркивал, что его новый труд отнюдь не имеет научного значения и предназначен исключительно для сербохорватского читателя, который может почерпнуть из него ряд полезных для себя сведений.

2. Ягич не стремился в данной работе широко охватить и по возможности исчерпать наличный материал, как делал он в большинстве своих трудов, поскольку он не занимался исследованием литературы XVIII в.

⁸ Архив Академии наук СССР, ф. 171, оп. 2, № 109, л. 15.

⁹ ИРЛИ, Отдел рукописей, 25139, СLXXXI, б. 14.

¹⁰ ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 166, № 1338.

¹¹ Государственный архив Костромской области, ф. 653, оп. I, № 3 (по копии, присланной в Архив АН СССР).

3. Ягич обратился к литературному оформлению материалов своих публичных курсов, следуя настойчивым пожеланиям земляков.

Следует полагать тем самым, что осуществленная книга, помимо само собою разумеющейся цели — сообщения некоей новой для сербохорватского читателя информации, — преследовала еще задачу, в равной степени интересовавшую как самого автора, так и представителей сербохорватской общественности.

Напомним, что как раз в это время он заканчивал печатание и последние доработки громадного корпуса — «Corpus grammaticum sloveno-russicum» («Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», СПб., 1895), продолжал печатание второго тома «Источников для истории славянской филологии» (СПб., 1897), писал и печатал монографию о «гайных языках у славян»¹²

Для Ягича XVIII век — переходная эпоха от пронизанной обрядовой религиозностью средневековой русской литературы к передовым идеям европейского Просвещения и энциклопедистов, от «стремлений к христианско-византийским идеалам», заставлявшим «на все, что приходило с Запада, смотреть как на опасность, угрожающую как раз основам византийского христианства»,¹³ к просветлению литературы и литературных деятелей светом западных идей и настроений, достигшим своего высшего уровня в мужественном выступлении Радищева (с. 154—162) и особенно в «эпохе Карамзина» (с. 217—258).

Книга состоит из четырех разделов: «Из допетровской эпохи» (с. 1—36), «Петровская эпоха» (с. 37—97), «Эпоха царицы Екатерины» (с. 98—216), «Карамзинская эпоха» (с. 217—258). В пределах каждого раздела материал дробится по авторам; иногда несколько авторов объединяются по жанровому признаку в одной главе (например, Княжнин, Лукин, Аблесимов, Веревкин), иногда одному автору уделяется более одной главы (например, Державину: «Оды Кострова, Державин до 1782 г.», «Державин от 1782 по 1796 гг.», «Державин после смерти Екатерины. В. Капнист»).

Изложение материала ведется с позиций историко-культурной школы: статьи А. Н. Пыпина по истории русской литературы, еще не собранные в получившие широкое распространение четыре тома, совершенно очевидно, служили образцом для венского ученого. О них он не только с большим уважением упомянул в письме к Пыпину 2 марта 1894 г., но и весьма комплиментарно

¹² Die Geheimsprachen bei den Slaven — Sitzungsberichten Akademie der Wissenschaften, Wien, Klasse philosoph-historische, Bd. CXXXIII, 1895, — все это, не считая обычной разносторонней напряженной работы по журналу «Archiv für slavische Philologie»

¹³ Јагић V Ruska književnost u osamnaestom stoljeću, s 3 (в дальнейшем ссылки на страницы этой книги даются в тексте)

отозвался в одном из примечаний.¹⁴ Ягича более всего интересовали портреты и очерки деятельности наиболее выдающихся представителей литературы, характеризующих этот процесс, интересовали, думается, по той же причине, по которой Ягич вообще вдруг заинтересовался русской литературой XVIII в., как сказано, до тех пор не привлекавшей его исследовательского внимания.

Нам кажется, именно пристальное внимание ко всему передовому, прогрессивному, что принес для русской национальной литературы XVIII век, прежде всего и более всего обусловило появление книги Ягича. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, знакомство сербов и в меньшей степени хорватов с русской литературой XVIII в. ограничивалось по преимуществу сочинениями богословскими (вроде «Камня веры» Стефана Яворского, сочинений Феофана Прокоповича или «Проповедей» митрополита Платона) либо вышедшими из духовной среды (как, например, драмы Козачинского и др.). «В области же светской литературы знакомства с такими русскими деятелями ее, как с Кантемиром, Ломоносовым, Новиковым, Фонвизиным, Державиным и т. д., мы у сербов XVIII в. обыкновенно не замечаем, и лишь позднее, преимущественно в периодической печати, мы будем встречаться с этими именами литературных деятелей».¹⁵

Подобное положение сохранялось на протяжении многих десятилетий, вплоть до второй половины XIX столетия. Именно в этой связи для Ягича могло предстать интерес систематическое обозрение русской литературы XVIII столетия: ему должно было казаться интересным и полезным раскрыть перед хорватским и сербским читателем конца XIX в. совершенно ему неведомое разнообразие и сложность литературных отношений в России на всем протяжении данного столетия, показать, что литература эта совсем не соответствует распространенным о ней представлениям у южных славян. Именно поэтому Ягич с такой настойчивостью подчеркивал в своих письмах, что книга ориентируется исключительно на сербохорватского читателя, которому может сообщить много нового и неожиданного.

---

¹⁴ Он писал: «В самое недавнее время начала печататься в „Вестнике Европы“ серия очерков, блестяще написанных, о старой и новой русской литературе известного в этой области литератора А. Н. Пылина. Этот ряд очерков создает историю русской литературы для образованной широкой русской публики, подобной которой до сих пор нет в России. Упомянутые очерки начали выходить в 1894 г. и продолжают непрерывно» (с. 260).

¹⁵ Заболотский П. А. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, 1. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908, с. 78. Ср.: Церетц В. Н. Новый труд о сербо-русских литературных отношениях. СПб., 1910; Заболотский П. А. К вопросу о русской струе в литературе сербского возрождения. СПб., 1911; см. также: Кулаковский П. А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке. Очерк по истории русского влияния на югославянские литературы. СПб., 1903.

Высоко оценил книгу Ягича один из первых внимательных русских читателей ее А. Н. Пыпин. Он увидел в полученной от автора книге «живой пример „славянской взаимности“». 30 декабря 1895 г. Пыпин писал Ягичу: «Конечно, поспешил заглянуть в историю литературы, хотя, разумеется, не успел еще ознакомиться с подробностями. Ведь Ваша книга является первым примером цельной западнославянской работы о русской литературе! Таково состояние „взаимности“! Думаю, что Ваша книга будет интересной для обеих сторон, и является сильное желание, чтобы Вы продолжили Ваше изучение и на ближайшее время — до наших дней! Мы все еще во многих, — и очень важных, — вопросах только сами, между собой, разбираем дела своего просвещения, — но как полезно было бы услышать голос близкого, хорошо нас знающего, но вместе независимого судьи».¹⁶

Эти же мысли легли в основу рецензии А. Н. Пыпина на книгу Ягича,¹⁷ единственного, сколько известно, отклика на эту книгу в русской печати. Большая часть рецензии посвящена общим вопросам возможно более полного взаимного ознакомления славян друг с другом, утверждению выяснившейся необходимости лучше и больше знать отдельным славянским народам о ближайших своих братьях.

«В таких условиях, — писал Пыпин, — книга г. Ягича становится важным литературным фактом, именно как результат самостоятельного изучения русской литературной истории, в котором желательно было бы видеть начало дальнейших самостоятельных славянских трудов по изучению России».

И несколько дальше: «Книга имеет в виду сербохорватских читателей, но может представить интерес и для нас, как оценка нашей литературы со стороны, независимо от наших привычных впечатлений и воспоминаний».

---

¹⁶ Национальная и университетская библиотека (Загреб). Отдел редкостей. № R4610.

¹⁷ Вестник Европы, 1896, № 2, с. 882—884. Подпись: А. П.